

Обыкновенно рѣшалось наканунѣ, кудаѣхать, и отдавались приказанія насчетъ лошадей и собакъ. Все это дѣлалось серьезно, степенно, и я чувствовала всю значительность этихъ сборовъ и понимала, что охота дѣло серьезное.

— И я поѣду? — спрашивала я обыкновенно.

— Лучше неѣзди, ты устанешь, мы далеко поѣдемъ, — отвѣчалъ Левъ Николаевичъ.

Я понимала, что онъ это говорить оттого, что ему казалось, что я, какъ дѣвочка, буду мѣшать правильной охотѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и я поѣду! — кричала я и такъ сильно протестовала, что дѣйствительно єхала, а потомъ это обратилось въ обычное явленіе, и я знала, что не стѣсняю и не порчу охоты.

Мы єздили раза два, три въ недѣлю. Иногда єздили въ Тулу, полями, къ другой тетушкѣ Льва Николаевича, Пелагеѣ Ильинишнѣ Юшковой, жившей въ Тульскомъ монастырѣ. Иногда єздили въ Пирогово, за сорокъ верстъ, гдѣ жила графиня Марія Николаевна съ дочерьми и сыномъ. А то кружились вокругъ Ясной Поляны.

Съ нами обыкновенно єздилъ А. Н. Бибиковъ и, кромѣ того, Левъ Николаевичъ бралъ съ собою мальчишку-школьника Николку Цвѣткова, маленькаго, черненькаго, шустраго мальчика.

Левъ Николаевичъ єздилъ на своей бѣ-